

секающих провинцию Трап-Нин и ведущих на запад, к Менау, и на юг, к Меконгу, — водным магистралям Индокитая, а также к Тонкинскому заливу, свидетельствует о широких связях. Открытие аналогичных памятников в Северном Качаре (Ассам) и даже на о. Целебес удостоверяет нас, кроме того, в весьма широком ареале этой своеобразной культуры юго-восточной Азии, основанной на террасном земледелии, которое до сих пор сохраняется в горных районах страны.

Где находились поселения, жителям которых принадлежали поля каменных урн, пока не установлено. Есть все основания предполагать, что это были крупные укрепленные поселения, на базе которых в дальнейшем сложились города, оказавшиеся в сфере влияния индийской цивилизации.

С. А. Семенов

К ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ САМАРКАНДА

Вопрос о периодизации истории Самарканда имеет большое значение для правильного понимания прошлого Согда, да и всей Средней Азии, особенно в период, предшествующий арабскому завоеванию, который слабо освещен письменными источниками.

Большинство европейских и русских исследователей отождествляли древнее городище Самарканда — «Афраснаб» с М а р а к а н д о й, упоминаемой при описании походов Александра Македонского. Иной точки зрения придерживался В. Л. Вяткин в работе, подводившей итоги его многолетним археологическим работам на Афраснабе. «Если допустить, — писал он, — что город Мараканда и Самарканд относятся к одному и тому же городу, то его надо искать где-то в другом месте, но не на Афраснабе, в котором не имеется предметов соответствующей древности, а также и не в ближайших окрестностях его, предметы древности которых тоже несколько известны... Культура Афраснаба устанавливается по монетным данным с IV—V вв.»¹ Не без влияния этого заключения В. В. Бартольд высказывался в том смысле, что хотя «главный город согдийцев на Зерафшане по местоположению и названию (Мараканда) приблизительно соответствовал современному Самарканду», но «самый факт существования в эту эпоху города на месте Самарканда остается сомнительным». Мараканда, по его мнению, после разрушения ее Александром Македонским находилась в запустении, уступив свою роль главного центра в этой части долины Зерафшана на много веков Кушании².

Неизвестно, какие именно монеты с Афраснаба В. Л. Вяткин считал чеканенными в IV—V вв., но археологическое определение наиболее древних известных ему культурных наслоений было основано на ошибочных датировках предметов керамики, покрытых красным ангобом, а иногда и лощением, среди которых особенно характерны рюмкоподобные бокалы. В соответствии с неверными датировками, дававшимися подобным же объектам сотрудниками Московского музея восточных культур по материалам из Термеза³, В. Л. Вяткин обозначил самаркандскую группу этих памятников IV—VII вв.

Работы Узкомстариса в 1933 г. на Айрытаме выявили впервые для Средней Азии точно датированный комплекс керамики эпохи расцвета Кушанского государства, в связи с чем состоялась поездка автора данной статьи в Самарканд для пересмотра в ряде обрезов было установлено наличие мощных культурных слоев, содержащих близкую к айрытамской

¹ В. Л. Вяткин, Афраснаб, городище древнего Самарканда, Самарканд — Ташкент, 1927, стр. 4 и 19.

² В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 2 и 15.

³ «Культура Востока». Сборник Музея восточных культур М., II. 1928, стр. 41—45.

керамику первых веков до и после нашей эры, а в одном месте были обнаружены остатки керамической печи этого же времени, документально подтверждавшей местное изготовление вышеупомянутой глиняной утвари. В 1941 г. во время проведения Самаркандской археологической экспедиции Юбилейного комитета Навои, удалось проследить культурные слои кушано-кангюйского времени к северу, востоку и югу от Афрасиаба, в частности в шурфе у мавзолея Бибиханым. Сопоставление новых наблюдений с ранее установленными фактами и пересмотр всех письменных исторических известий о городе дали тогда же возможность предложить новую периодизацию истории Самарканда.

В 1945—1947 гг. по линии АН Уз. ССР под руководством А. И. Тереножкина проводились на Афрасиабе разведочные работы, некоторые результаты которых освещены в статье «Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда» (ВДИ, 1947, № 4, стр. 127—135). Не касаясь новых, сложившихся у среднеазиатских исследователей после 1927 г. представлений об Афрасиабе и без достаточного учета данных письменных исторических источников, хотя бы в опубликованной их части, автор этой статьи на основании нескольких собственных наблюдений предложил новую трактовку ряда вопросов. Умалчивая о высказываниях многих своих предшественников и почти полностью игнорируя ранее добытые на Афрасиабе предметы, в большом количестве сосредоточенные в Самаркандском и Ташкентском музеях, в Эрмитаже и в Музее восточных культур, по видимому, как не дающие еще «возможности приступить к разработке историко-археологической периодизации культуры Самарканда на Афрасиабе», А. И. Тереножкин предложил свою периодизацию, основанную на материалах пока еще скромных по объему собственных разведок (стр. 127). В результате слишком субъективного подхода многое в высказываниях автора звучит неубедительно, а часто и прямо неверно.

Начиная рассмотрение истории города с «Ахеменидского периода», автор пишет, что «наслоений ахеменидской эпохи на Афрасиабе еще не обнаружено» (стр. 128), но благодаря покупке у пастуха Хусейнова каменной печати с изображением ахеменидского лучника, по его мнению, «сомнения в том, что Афрасиаб может хранить в своих недрах вещественные свидетельства столь отдаленной исторической поры, ныне (т. е. в 1947 г.) рассеялись». Между тем, во-первых, одна печать, даже если верить пастуху, будто он нашел ее на Афрасиабе, не решала бы вопроса; во-вторых, упомянутые сомнения разделял только покойный В. Л. Вяткин; в-третьих, комплекс описываемых самим А. И. Тереножкиным предметов, как относящихся к греко-бактрийскому периоду (стр. 128), явно более старого времени, захватывающего и пору вхождения города в состав владений ахеменидской Персии.

Совершенно не убедительно мнение автора, сложившееся, видимо, под впечатлением отсутствия упоминания Самарканда в хронике старшего дома Хашь, будто археологических материалов кушанского и гунно-эфталитского периода (I — середина VI вв.) Афрасиаб не дает, причем мнимое отсутствие их объясняется укладом жизни города на протяжении пяти с половиной столетий (стр. 131), тогда как на самом деле большинство известных нам объектов «эфталитского» времени происходит главным образом из Самарканда и, в частности, с Афрасиаба. Слишком тенденциозен и а priori невероятен голословный вывод, будто после арабского завоевания «древняя культура Самарканда уступила место иной культуре, генетически мало связанной с прошлым этого города» (стр. 132), тогда как имеющиеся данные, наоборот, позволяют во всем последующем развитии проследить наличие прочных местных культурных традиций. Совершенно неверно также утверждение, что якобы «материалов до XI—XII вв. на Афрасиабе добыто так мало, что их еще недостаточно даже для самых общих определений своеобразия культуры этого периода» (стр. 135), в то время как на самом деле они исключительно разнообразны, многочисленны, везде составляют основную массу предметов, добытых до сих пор на Афрасиабе, а в Самарканде ими буквально забиты полки археологического собрания местного музея. Кроме бытового археологического инвентаря, для этой эпохи вскрыты и интересные архитектурные объекты

В период раннего средневековья название «Самарканд» было уже непонятно, и для его объяснения существовало множество легенд, производивших первую часть слова от собственного имени; даже видные ученые XI в. Бируни и Махмуд Кашгарский допускали его этимологию как искажение слова «Семизкенд» — «жирное, богатое селение». Это свидетельствует о глубокой древности города, на протяжении

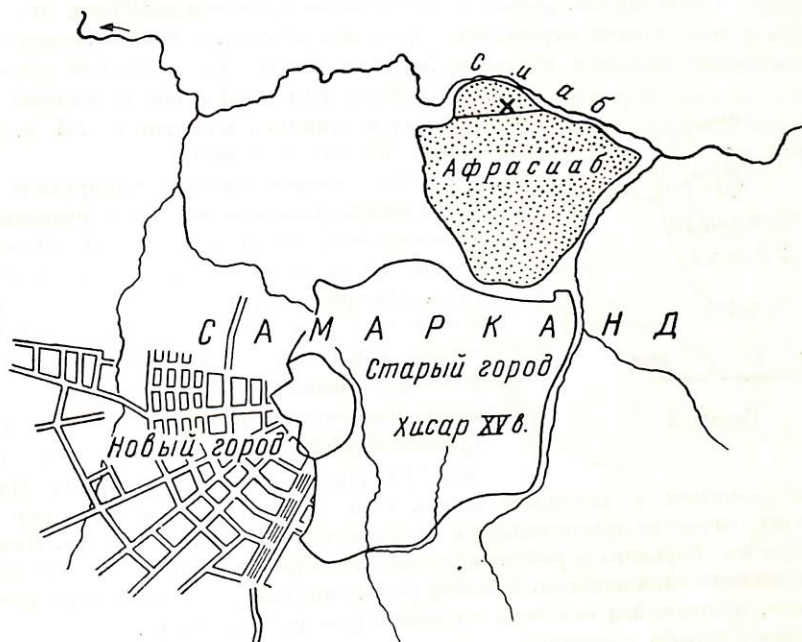

Схема 1

истории которого оказалось прочно забытым происхождение его имени от древнего корня, близкого санскритскому samarṅa («собрание», «сходка», «место схождения»). Длительность существования Самарканда до эпохи арабского завоевания косвенно подтверждается и средневековой исторической традицией, согласно которой, по данным Нессфи (XII в.), ко времени Кутейбы (начало VIII в.) город имел уже за собой 2500 лет существования. Следов поселения такой большой давности в Самарканде пока не обнаружено, хотя на его территории и в ближайших окрестностях, начиная с 70-х гг. прошлого столетия, найдено немало отдельных предметов, относящихся к разным эпохам, начиная со среднего палеолита до эпохи бронзы включительно.

По средневековым, весьма популярным преданиям, «в давние времена» (т. е. задолго до арабского завоевания) стена, окружавшая город, имела до 50 000 кулачей (по Мирхонду)¹ или шагов (по Хамдаллаху Казвини), т. е. несколько более 40 км в длину. Когда же эта стена разрушилась, то один из богатырей легендарного царя Феридуна возобновил ее, после чего она еще раз подверглась разрушению и снова, в третий раз, была возобновлена. В этой легенде нашло отражение бытовавшее чуть не тысячу лет назад представление о нескольких этапах существования (в период до арабского завоевания) крупного города Самарканда, являвшегося как бы городом-государством. Небезынтересна и та древняя легенда, согласно которой после второго

¹ Кулач в современном представлении считается равным «маховой сажени», т. е. расстоянию между пальцами вытянутых в противоположные стороны рук, примерно 1,7 м. Но, судя по разного рода средневековым данным, кулач иногда обозначал и половину такой «маховой сажени», как бы соответствуя «гязу». Несомненно, именно в этом смысле термин упомянут у Мирхонда.

возобновления городских стен эпископский персидский государь Гиптасп Кеянидокий (в котором некоторые исследователи хотят видеть отображение исторической личности Дария Гистаспа) населил окруженное ею пространство и возвел, кроме того, стену Согда между Мавераннахром и Туркестаном. По другому варианту, стена Согда была сооружена при некоей женщине-правительнице для предохранения культурных земель от набегов кочевников. Длину ее определяли примерно в 120 км, и остатки ее прослежены с некоторыми перерывами примерно от ж.-д. станции Милютинской до района несколько западнее кишлака Хазара¹. Построение подобных стен против кочевников в Средней Азии отмечается в письменных источниках начиная с III в. до н. э. (стена Мервского оазиса).

Схема 2

Самое раннее описание Самарканда времени Ахеменидов, упоминаемого под названием «Мараканда» (с греческим окончанием множественного числа среднего рода), дано Курцием (VII, 24) при описании походов Александра Македонского. Город имел тогда цитадель (арх), занятую в 329 г. до н. э. греческим гарнизоном, и особую внешнюю стену до 70 стадий, что даже и при наименьшей длине стадии в 150 м дает протяжение окружности около 10,5 км. Приводимое Птолемеем указание широты Мараканды

примерно совпадает с истинным положением Самарканда, но в окрестностях этого города сейчас не прослеживаются остатки кольца стены в 10,5 км. Лишь к югу от бульвара им. Горького в районе селения Лялязар в топонимике сохранилось название оплывшего вала какой-то большой стены как Дивари Кундалянг («поперечник»), быть может, являющейся остатком внешнего кольца Мараканды.

Во время борьбы согдийцев с македонскими завоевателями войска Александра обороняли только цитадель, и внешняя стена отнюдь не служила препятствием для повстанцев Спитамена. После усмирения первого восстания, в 329 г., по распоряжению македонского царя были разорены соседние селения и перебито якобы около 120 тыс. согдийцев, а после подавления второго восстания, в 328 г., в наказание был разрушен самый город, причем пострадали, вероятно, как цитадель, так и внешняя стена. Во всяком случае для 328 г. в письменных источниках запечатлен конец одного из древнейших этапов в жизни Самарканда, безусловно существовавшего в эпоху Ахеменидов в виде крупного городского поселения.

В ту пору город занимал уже все современное городище Афрасиаб; к тому же времени, кроме уже отмечавшегося комплекса предметов, характеризующегося керамическими сосудами со скошенным дном, возможно, следует отнести и некоторые находки, сделанные в прошлом столетии неподалеку от мечети Хазрет-Хызра на глубине до 8,5 м, где, между прочим, были обнаружены бронзовые наконечники стрел. Последние встречали на Афрасиабе не раз и позднее.

О возрождении города некоторое время спустя после жестокой расправы Александра Македонского свидетельствуют, повидимому, находки на Афрасиабе, в частности в его южной части, греко-бактрийских медных монет, начиная с чекана Евтидема I (III в. до н. э.).

Эпоха расцвета города за период рабовладельческого общества по археологическим данным приходится на кангуйско-кушанское время, примерно на первые века до и после н. э., и, вопреки упоминавшемуся мнению А. И. Тереножкина, особенно на I—III вв. н. э.

¹ В научной литературе сведения об этой стене обычно опускаются. Ср. «История СССР», ч. III, М. — Л., 1939, стр. 260, где вместо стены Согда упоминается «Дивари Кьямат», окружавшая кольцом пригородные земли города Самарканда.

Об этом свидетельствуют находки на Афрасиабе таких более или менее четко датированных предметов, как многочисленные фигурки терракотовой скульптуры, оссуарии с архитектурными и скульптурными элементами, восходящие к I—III вв. н. э., египетский флакон римского времени, глиняные римские светильники, бронзовая статуэтка, изображающая лежащего нагого человека, который хватается правой рукой за горло накинутаго на него льва, резные камни в виде геммы с различными изображениями и, наконец, монеты так называемого «варварского Евтидема» (II в. до н. э.), «безыменного царя», т. е. Кадфиза I (I в. н. э.), и других более поздних кушанских и согдийских правителей. К произведениям Египта римского времени относится также найденная в окрестностях Самарканда печать из черного гематита в виде ска-

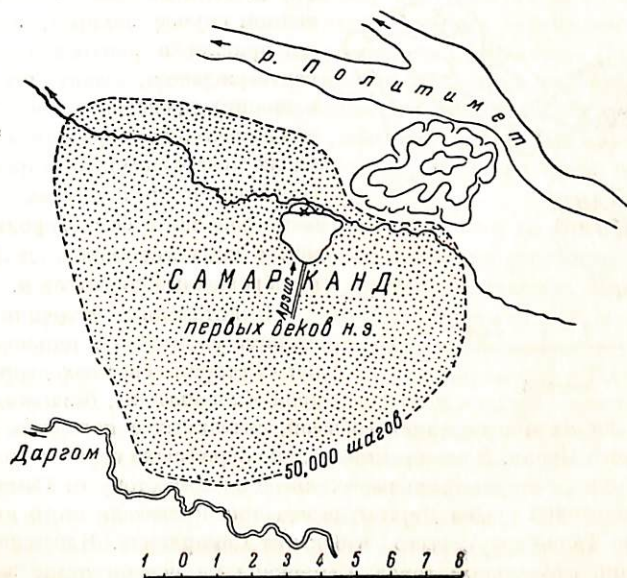

Схема 3

рабей с изображением схематической фигурки человека и оглядывающейся назад лани. Первый комплекс предметов этой эпохи был обнаружен еще в восьмидесятых годах прошлого столетия в южной части Афрасиаба на глубине до 7 м и ниже от поверхности земли, но он не был тогда датирован. Были найдены неглазуванная керамика без всяких украшений, фиалы, бокалы, грубо обточенные каменные ядра, ракушки «каури» (*Cirrea moneta*) с просверленным для ношения отверстием (типичные для слоев парфянского времени на городищах Старая и Новая Ниса) и другие предметы. Как установлено было впервые в 1933 г., точно датированные культурные слои «кангюйско-кушанского» времени прослеживаются на всем Афрасиабе и достигают иногда большой мощности — до 2 м и более. Работами Самаркандской археологической экспедиции 1941 г. установлено, что в комплексе предметов «кангюйско-кушанского» времени входят, между прочим, орудия типа остроконечников и крупных скребел, изготовленных путем сколов поверхностей крупных галек. Культурные слои (также не датированные) с такого рода комплексом были обнаружены впервые при работах на Афрасиабе в 1905 г. к западу от цитадели, где были расчищены целые помещения, содержащие эти предметы. Аналогичный материал встречается также не только на прилегающей к Афрасиабу площади, но и в ряде других пунктов, в том числе на тепе, внутри пространства, огороженного огромной стеной, имевшей протяжение несколько более 40 км. Остатки ее в XIX в. именовались то «стеной Искандера», то, чаще, «Дивари Кыямат» (Стена страшного суда). По одному раннесредневековому преданию, защищенному Несефи, часть ее построил Абу Неаман и закончил Самар, сын Хариса, брат

легендарного иemenского правителя Тоббы, в чем заключается как будто намек на две очереди ее возведения. Все эти археологические наблюдения позволяют прийти к выводу, что I, II и начало III вв. н. э. были эпохой наибольшего развития Самарканда за время рабовладельческого общества, когда ядром его являлся Афраснаб, а городская округа охватывалась огромной стеной «Дивари Кыямат». К этой же поро расцвета рабовладельческого города относится и сооружение знаменитого «свиного канала» Арзис, который поднимал по дамбе самотеком воду на Афраснаб и считался делом рук иноземного специалиста.

Наступивший после того период кризиса рабовладельческого общества, осложненный новыми нашествиями кочевников, не прошел бесследно для Самарканда.

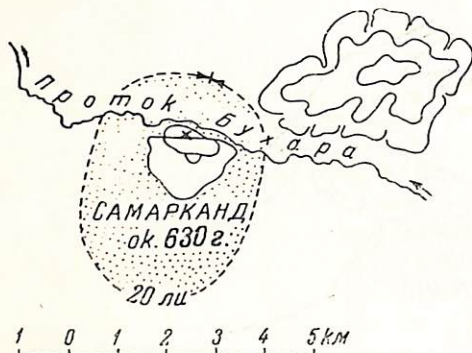

Схема 4

подробностей¹; нет их и в описании событий, связанных с походами за Аму-Дарью войск сасанидского Ирана. В это время в долине Зерафшана первенство принадлежало княжеству Маймург, которое было расположено к юго-востоку от Самарканда и владело головной плотинной арыка Даргом; резиденция правителя этого княжества была в Ривдаде (ныне Тали-барзу), всего в 6 км от Самарканда. Начавший развиваться уже как будущий феодальный город, Самарканд на первом этапе занимал только северную часть Афраснаба, и постепенный рост его к югу может быть прослежен по нескольким рядам внутренних стен. В VI в. он вошел в состав владений тюркского каганата и имел свою тюрко-согдийскую династию местных правителей, ихшидов, считывавшую до времени завоевания города арабами при Кутейбе 13 представителей и считавшуюся происходящей из дома юежджй. С начала VII в. политическая обстановка изменилась в пользу Самарканда, и верховная власть в средней части долины Зерафшана перешла к самаркандским владетелям, которым подчинялся даже Кеш в долине Кашка-дарья. Некоторое время спустя самаркандские ихшиды перенесли свое местопребывание в Ривдад.

К концу первого этапа в шедшем по пути феодального развития Самарканде до арабского завоевания отмечается достижение известного благосостояния. Проехавший через него в 30-х г. VII в. китайский паломник Сюань-цзан указывает, что окружность города имела 20 ли (около 10 км.)², т. е. достигала примерно размеров Мараканды эпохи Александра Македонского. Местная хроника (Кандия), говоря о времени, непосредственно предшествующем арабскому завоеванию, отмечает благоустройство города, содержавшегося в исключительной чистоте, причем «качество чистоты города приводим в пример людям из других мест»³. В отстроенной заново

Город, если не замер окончательно, то во всяком случае захирел, а внешние стены его пришли в запущенное состояние. Это подтверждается, между прочим, тем, что в нижних древнейших частях стен найдены маздестические погребения в глиняных гробиках (оссуариях), датируемые IV.—V вв. вскрытые в трех местах вдоль почти всего западного фаса городища. Оссуарии могли попасть только в полуразрушенные и заброшенные гребни стен.

В китайских источниках Самарканд впервые упоминается только с V в. в хрониках «Истории северных дворов» под названием «Сиваньгиня», без каких бы то ни было

¹ И а к и ф, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III, СПб. 1851, стр. 165.

² Сю а н ь-ц з а н, Mémoires sur les contrées occidentales, I, Paris, 1857, стр. 18.

³ «Кандия», перевод В. Л. Вяткина, «Справочная книжка Самаркандской области», вып. VII, Самарканд, 1906, стр. 243 и сл.

внешней стене Афрасаба было четверо ворот, которые и позднее сохранили свои домусульманские названия. Восточные именовались «Китайскими», чем подчеркивалась важность торговых связей самаркандцев с Китаем; об этих связях повествуют китайские летописцы; о них же наглядно свидетельствуют и согдийские монеты того времени, отливавшиеся по китайскому образцу, даже с квадратным отверстием посредине, которые в большом количестве встречаются на Афрасабе. Южные ворота назывались «Кешскими», по имени г. Кеша в долине Кашкадарьи, который с момента перенесения в него главной ставки Кангюя в конце III — начале IV в., считался главным городом Согда. На этих воротах была железная доска с надписью на согдийском языке. Северные ворота именовались «Бухарскими», может быть, потому же, почему протекавший здесь проток (Сиаб) назывался «каналом Бухара», хотя он не имел никакого отношения к одноименному городу, так как воды его расходовали в окрестностях Самарканда. По показанию Джузейни, на языке местных мугов, т. е. согдийских зороастрийцев, «бухара» значило «собрание науки»¹; возможно, что происхождение названия канала и ворот связано с такого рода бухарой, располагавшейся где-либо поблизости. Название же западных ворот «Наубехарскими», возможно, связано с находившимся где-то поблизости новым буддийским монастырем.

Об известной пестроте состава населения тогдашнего Самарканда можно судить по культовым сооружениям, среди которых упоминаются зороастрийские храмы семи священных огней, буддийские монастыри, еврейская синагога. К ним следует присоединить еще христианские церкви, поскольку Самарканд с V до начала VIII в. считался епископальным городом, а может быть, и манихейскую обитель *негушак*, так как манихеи проникли в земли к северу от Аму-Дарьи еще в III в., их тексты попали в Согд в VII в., а самаркандская община их и позднее считалась самой многочисленной. К этому периоду должны быть отнесены обнаруженные в 1905 г. в северной части Афрасаба, но не датированные тогда подземные помещения. Знакомство с найденными в них медными литыми монетами, имеющими тамгу в виде буквы *у* и согдийскую легенду, позволяют теперь отнести эти сооружения к VII в.

В начале VII в., после падения значения Маймурга и перехода его в подчиненное положение, но еще до перенесения в Ривдад (Тали-барзу) резиденции самаркандских ихшидов, создалась благоприятная ситуация для восстановления древней, сорокакилометровой стены городской округи рабовладельческого Самарканда или «Дивари Кьямат», пришедшей к тому времени в упадок, почему в ней допускались камерные погребения в могилах, обкладывавшихся большими продолговатыми облицовочными жжеными кирпичами². Именно внутри нее и были разбросаны упомянутые в «Кандии» 12 000 замков-усадеб, выставлявших по одному воину с каждого хозяйства. Китайцы прославляют Самарканд за то, что оттуда выходят превосходные художественные вещи. Ремесленное производство в значительной мере базировалось тогда на рабском труде.

Второй этап раннего периода формирования феодальных отношений в Средней Азии начинается для Самарканда с момента прочного его вхождения в состав арабского халифата в начале VIII в., когда в 712 г. город был занят войсками Кутейбы в результате пятимесячной осады. После крупного восстания согдийцев в 713 г., когда они обратились за помощью в Китай и когда их поддержали тюрки во главе с Моджо, арабские власти отдали распоряжение жителям очистить целиком шахристан, направили их на жительство «в сторону Туркестанских гор», а все дома на Афрасабе предоставили в распоряжение размещенных там арабов из Мекки, Медины и Сирии. При этом были разграблены и сожжены богатые кашича «северных». Главный храм был превращен в соборную «джума-мечеть». Хотя у власти на некоторое

¹ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 41.

² М. Е. Массон, Могила с одиночным погребением в сидячем положении в стене Дивари-Кьямат в Самарканде, «Изв. ТОРГО», вып. XVII (1924), стр. 161.

время оставлены были правители из местной династии (ихшиды), но сопутствовавший созданию арабского халифата рецидив рабства и проводившаяся арабскими наместниками политика жестокого подавления многочисленных освободительных движений против завоевателей задержали нормальное развитие процесса феодализации страны и пагубно сказались на состоянии начавшего клониться к упадку Самарканда. Об его положении могут свидетельствовать стихи одного из представителей местной тюрко-согдийской знати, Абу-т Таки ал-Аббас ибн Тархана, с горечью писавшего:

*Самарканд — развалина. Как разрушились все его орнаменты!
Ты не лучше, чем Шаш (Ташкент). Ты не избавишься от этого вечно*¹

Процесс исламизации протекал путем принудительных мероприятий.росло количество мечетей; первой из них была та, которую построил сподвижник Хузаймы, Мухаммед ибн Васы, у Кешских ворот и которую предание связывает с пророком Хазрет Хызром. По данным Несефи, вскоре после завоевания Самарканда арабами 172 человека в нем уже отлично читали коран. К новым потребностям приспособлялись базары. Но о сколько-нибудь значительном развитии города на протяжении VIII в. не может быть и речи. Есть известие, что после одного из восстаний (повидимому, 713 г.) арабы разрушили крепостные стены шахристана, и они долгое время после того не восстанавливались. В этом, очевидно, и не было надобности. Город после выселения коренных жителей сильно опустел. В южной части Афрасиаба образовались безлюдные участки, которые были отведены под кладбища арабов племен Нахия и Джанаб, участвовавших в покорении Самарканда. Завоеватели едва обжили северную часть Афрасиаба, стремясь быть поближе к кухендизу. Некоторое время спустя, когда из-за тревожного положения в стране явилась потребность лучше обеспечить защиту горожан арабского происхождения от всякого рода случайностей непрекращавшейся борьбы со свободолюбивым тюрко-согдийским населением, возвели (а может быть, и просто подновили) третью внутреннюю стену в пределах Афрасиаба, которая, изолируя завоевателей и как-то определяя размеры официального Самарканда (около 70 га), впоследствии дала повод к наименованию заключенного внутри ее пространства «внутренним городом» (*мадина дахиль*). Этот термин был в употреблении еще в самом начале X в. и приведен у Ибн-ал Факиха (ВСА, V, стр. 326).

Для охраны ближайших пригородных садов, огородов и полей проявили заботу и в отношении внешней стены, имевшей протяжение свыше 40 км. По Несефи и Табари, ее начали восстанавливать по распоряжению Абу Муслима (якобы в 752/3 г.), но так как она занимала огромное протяжение, то дело с ее реставрацией затянулось, и, по Якуби (ВСА, VII, стр. 293), она была восстановлена уже в правление Харун-ар Рашида (786—809). Последнее крупное восстание жителей Мавераннахра против арабов в начале IX в. было возглавлено Рафи ибн Ляйсом и охватило, кроме Согда, Фергану, Шаш, Ходженд, Орушану, Бухару, Несеф, Саганиан, Хутталян, Хорезм; продолжалось восстание около четырех лет — с 806 по 810 г.; за это время Рафи ибн Ляйс успел отстроить для себя в Самарканде дворец.

Вскоре же после подавления этого восстания для Самарканда наступил новый этап его истории. Он является третьим этапом раннего периода феодализации страны, охватывает эпоху примерно с конца первой четверти IX до конца X в. и падает на время правителей из фактически самостоятельных местных хорасанских династий — Тахиридов и Саманидов. Во всем отмечаются последствия восстановления хозяйства страны и более решительного разделения труда между городом и деревней, даже с известной, безусловно не планировавшейся, специализацией некоторых районов по товарности хозяйства. Для Самарканда это пора нового интенсивного подъема.

¹ Ибн Хордадбех, ВСА, VI, стр. 26 арабского текста и стр. 19 французского перевода.

«Весь город,— пишет Истахри,— его дороги, кварталы и улицы, за малым исключением, вымощены». В квартале Асфизар (на Афрасабе) был построен дворец Саманидов. В 1919 г. на его месте нами были найдены прекрасные алебастровые резные панели. Город стал быстро расти и, не вмещаясь на Афрасабе, распространился за его пределы. Наиболее раннее из детальных его описаний принадлежит Ибн-ал-Факиху (ук. соч., стр. 322—326). По его словам, Самарканд состоял из следующих частей: «внутреннего города» (*мадина-дахиль*), который имел площадь в 2500 джеривов и в котором находились соборная мечеть и кухендиз с «домом власти», т. е. дворцом (отличным от большого дворца в квартале Асфизар); вообще города (*мадина*), имевшего четверо ворот — Кешские, Китайские, Усрушаны и Железные¹, и занимавшего площадь, в два раза большую (5 тыс. джеривов), и пригорода (*рабад*), который по своей территории лишь несколько превосходил размеры мадины-шахристана и имел тогда 6 тыс. джеривов. Джерб — величина переменная для разных эпох и территорий, поэтому до выяснения ее точного значения для Самарканда X в. приводимые Ибн-ал-Факихом цифры лучше брать как данные, показывающие относительные размеры отдельных частей. Под рабадом наш автор имел в виду только наиболее густо обжитые его площади, которые, по нашим археологическим наблюдениям, располагались отчасти к северу от Афрасаба и к востоку от него вдоль правого берега арыка Оби-Машад, а главным образом — к югу от Афрасаба — на территории позднейшего шахри-бируна и хисара Самарканда XV в. Все же остальное пространство, окруженное внешней стеной «Дивари-Кыямат», которое более поздние авторы принимали за рабад, он относил к землям рустаков, т. е. волостей, как это отчетливо явствует из его текста: «В Самарканде 12 ворот... Стена окружает прилежащие к нему (Самарканду) рустаки, его сады и огороды. Упомянутые ворота служат туда входом. Затем (т. е. пройдя земли рустаков, сады и огороды.— М. М.) входишь в *мадина* (с четырьмя воротами.— М. М.)... Затем (попав в *мадина*.— М. М.) входишь во внутренний город (*мадина-дахиль*)» (Ибн-ал-Факих, ук. соч., стр. 325). По Истахри (30-е гг. X в.), диаметр площади, охватываемой внешней Самаркандской стеной (которую он уже называет «стеной рабада»), равен двум фарсахам, т. е. несколько более 12 км (ВСА, I, стр. 317).

Характерна фраза Ибн-ал-Факиха, что в *мадина* имеется проточная вода (из Арвиза), а внутри большой стены имеются реки (*ауди*) и каналы (*нагр*). Под ауди арабские авторы в первую очередь подразумевали текущий в естественном ложе один из рукавов Зерафшана — Слаб, который они поэтому называли «рекою Согда»². По Истахри, «шахристан находился рядом с рабадом и недалеко от реки Согда, которая протекает между рабадом и шахристаном; стена рабада тянется по туге стору реки от местности, именуемой Афшина, мимо ворот Кухак (— горки, т. е. возвышенности Чупан-ата), охватывая последовательно...» ряд ворот, начиная с селения Варсин (ВСА, I, стр. 317). Истахри пишет, что базары и вся вообще торговля в Самарканде сконцентрированы преимущественно в рабаде и лишь незначительная часть рынков расположена в шахристане, причем объясняет это тем, что Самарканд — это тот центр, где собираются купцы со всего Мавераннахра, где сосредоточивалась большая часть товаров всей страны и откуда они расходились по другим местам (ук. соч., стр. 317—318). Увеличение числа ежегодно приходивших караванов и возрастающие торговые обороты требовали новых обширных площадей для базаров, где могли

¹ В. В. Бартольд ошибочно считал, что в тексте Ибн-ал-Факиха допущена ошибка и перечисленные ворота следует относить к *мадина-дахиль*. См. В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 86, прим. 6.

² В. В. Бартольд относил это сперва к самому Зерафшану и поэтому дал неверное описание исторической топографии Самарканда (ук. соч., стр. 88 и сл.). Позднее он продолжал считать сведения о «согдийской реке» у арабов настолько неясными, что отказывался определить местоположение моста Джирд, который, как установлено мной, был не на Зерафшане, а на Снабе. Ср. В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 109.

бы быть отстроены и обширные постоянные дворы, и склады товаров, и вместительные торговые ряды, для чего в тесном шахристане не было места. Подходящая для этого территория находилась только к югу от Афраснаба, где в рабаде постепенно начала складываться новая часть города, будущий шахри-бирун (*мадина-харидис*). Здесь наиболее важным, густо застроенным и оживленным районом, по свидетельству ряда авторов, был район Рас-ат-так, названный у Самани «Кварталом Дарваза-и Кеш», поскольку он примыкал с севера к Кешским воротам шахристана. Здесь же тянулась высокая дамба Арзиса, водой которого питался не только шахристан, как пишут современные исследователи, но и рабад, причем распределение ее для последнего, по данным Истахри, также сосредоточивалось в Рас-ат-таке. «Свинцовый канал» именно в этом месте проходил через «центр базара», почему термин «Рас-ат-так» правильное переводить не «Голова свода», как это обычно принято, а «Основной (главный) так», т. е. специальное рыночное сооружение, типа восточного пассажа. К последнему примыкали базары, улицы и кварталы—*махалля*, а в промежутках располагались усадьбы и сады. За малым исключением почти все улицы, равно как и участки этой части, были снабжены водой, и редкий дом не имел сада, так что если подняться на самый верх цитадели (*кала*), то, по словам И с т а х р и, город оказывался скрытым купчей древесных насаждений (ук. соч., стр. 347).

С появлением в конце X в. в Мавераннахре тюрок, сокрушивших уже разлагавшееся централизованное государство Саманидов, связано наступление периода расцвета феодализма. Завоевавшие Мавераннахр Караханиды вскоре же оформили здесь удельную систему. Вслед за ликвидацией крупной дехканской земельной собственности небывалое до того развитие получил институт *икта*, особой формы землевладения, дающей право на взимание доли продуктов, причем вскоре же наметилась тенденция к переходу ее в феод. Наряду с этим усиливаются феодальные войны. Помимо внутренних междоусобий в среде Караханидов, Самарканд страдал от войн с соседними государствами. Его дважды брали сельджукские султаны (в 1089 г.—Маликшах и в 1130 г.—Султан Санджар). После Катванской битвы в 1141 г. он, со всем Мавераннахром, признал вассальную зависимость от каракитайского гурхана. В 1210 г. его сперва на время заняли войска гурхана, а затем он оказался захваченным хорезмшахом Мухаммедом, во владении которого оставался вплоть до завоевания страны монголами Чингиз-хана в 1220 г.

Хотя подробных описаний его для XI—XII вв. до нас не дошло, тем не менее даже по отрывочным сведениям можно думать, что Самарканд, подобно большинству других крупных городов Средней Азии (Бухаре, Термезу, Мерву), значительно вырос и во многом изменился по сравнению с тем, каким он был в X в. Поскольку он являлся теперь столицей, в нем до конца поддерживались укрепления шахристана и самая цитадель, в которой порой приходилось выдерживать осаду как самим правителям, так и членам их семей (например, жене Караханида Османа, а затем и ему самому в 1212 г.). Шахристан становится все больше и больше крепостью и замкнутым административным центром. В нем неоднократно ремонтировалась и перестраивалась соборная мечеть, в последний раз незадолго до нашествия монголов. В самом конце XII в. при ней появилось порталное здание, принятое В. Л. Вяткиным во время работ 1927 г. за мечеть, с каковым определением памятник и вошел в научную литературу. Как установлено нами по собранной из фрагментов найденных на резных терракотовых неполированных плитках, в действительности это был мавзолей, судя по титулатуре, скорее всего караханида Ибрагима бен Хусейна (1186—1199). По распоряжению хорезмшаха Мухаммеда во втором десятилетии XIII в. приступили к постройке «высокого здания» дворца в цитадели, которое не было закончено сооружением и в котором после взятия Самарканда войсками Чингиз-хана проживал монгольский *тайши* (высший чин в государстве) и где в 1221 и 1222 гг. останавливался китайский философ Чан-Чунь. В пределах шахристана попрежнему функционировала главная святыня города — комплексный культовый памятник, связанный с мнимой могилой двоюродного брата пророка Мухаммеда, Куссама ибн Аббаса, *зиарат* которого начинался почти от самых

Железных (т. е. Кешских) ворот. Подле этого *мазара* в одноименном квартале по распоряжению султана Санджара после занятия им в 1130 г. Самарканда выстроено было *медресе*, получившее наименование Куссамие. Исключительно роскошный археологический материал (стекло, художественный металл, керамика, украшения, кирпичная архитектурная облицовка и пр.) наглядно свидетельствует о богатой и интенсивной жизни на Афрасиабе в XI—XII вв.

Но основной пульс жизни Самарканда бился теперь главным образом в новой части города, шахри-бируне, т. е. внешнем городе, отличном от внутреннего города — шахристана. Здесь на части территории бывшего рабада концентрировалась главная масса торговых и ремесленных кварталов. Повидимому, тут же размещался квартал иноземцев, который был пощажен хорезмшахом Мухаммедом при его жестокой расправе с самаркандцами в отместку за поднятое жителями в 1212 г. восстание против хорезмийцев. Возможно, здесь же находилась несторпанская митрополия, существовавшая в Самарканде при Караханидах. В числе прочих иностранцев в Самарканде проживали в начале XIII в. китайцы, занимавшиеся, между прочим, изготовлением керамики типа динских фарфоров.

Здесь в шахри-бируне размещались дома богатого купечества, знати и духовенства, о чем свидетельствуют археологические находки прекрасной утвари XI—XII вв. на всей территории хисара XV в., соответствующего современной старой части Самарканда, а также наличие аристократического кладбища. Оно сложилось в восточной части шахристана, у мазара умершего еще в середине X в. шейха Мансура Мотыриди, близ квартала Джакардиза. По Самани (XII в.), именно оно служило в ту пору местом погребения улемов и вельмож¹, что подтверждается большим числом галечных намогильников (кайраков) с эпитафиями VI—VII вв., найденных на кладбище Джакардиза, откуда они поступили несколько лет назад в Самаркандский музей. Богачами были заняты, между прочим, и квартал Гатфар, или Куи Гатфар, расположенный в северо-западном углу шахри-бируна, примерно к северо-востоку от позднейшей тимуровской цитадели. Именно площадь этого квартала дала основную массу предметов трех археологических коллекций самаркандского антиквара М. В. Столярова.

Произведенное нами в 1933 г. обследование стен самаркандского хисара показало, что, вопреки поддерживаемому до настоящего времени исследователями мнению, при Тимуре не возводились новые стены его столицы, а только возобновлялись пришедшие за монгольский период в упадок более древние стены шахри-бируна, которые до того на протяжении XI—XII вв. уже неоднократно подвергались ремонтам. Стена шахри-бируна была, таким образом, замкнутой и совершенно изолированной от стены шахристана, с которой она нигде не соприкасалась. В ней, очевидно, было шесть ворот, как и в городе времени Тимура, видимо, отчасти унаследовавшего и скелет планировки прежнего шахри-бируна.

Совершенно несомненно, что и пригороды Самарканда XI—XII вв. были заселены гуще, чем рабад X в., хотя территориально, вероятно, продолжали оставаться в пределах большой внешней стены. Неизвестно, поддерживалась ли последняя, но что строительная деятельность как-то коснулась и ближайших окрестностей, явствует из археологических наблюдений над культурными слоями в ряде пунктов, и из данных раскопок на площади средневековой мечети Намазгох, и из сооружения здания у могилы Абди-Даруна, что связывается с именем султана Санджара, и из наличия в пригороде дворца Кук-сарай, в котором, между прочим, останавливался Чингиз-хан во время осады Самарканда в 1220 г.

Монголы вошли в шахри-бирун через открытые им горожанами ворота Намазгох, после чего сами открыли все остальные. Упорно защищалась лишь тысяча воинов, засевших в соборной мечети, где все они и погибли в огне. Город был взят монголами, население обложено контрибуцией в 200 тыс. динаров, а часть жителей уведена на осадные работы у других городов.

¹ См. Самани в кн. В. В. Бартольд, Туркестан..., ч. I, тексты, стр. 55.

По распоряжению Чингиз-хана был разрушен водопровод Арзис и разломаны городские укрепления, т. е. стены шахристана и шахри-бируна, которые было запрещено возводить вновь из боязни оставить в тылу сильную крепость. Во второй этап развития феодализма, совпадающий уже с эпохой монгольского владычества, Самарканд вступил с опустошенным и полубезлюдным шахристаном и с лишенным стен, но пощажённым шахри-бируном. Первый вскоре окончательно захирел, а второй послужил ядром будущей столицы мировой империи Тимура.

Такова в самом кратком изложении периодизация истории Самарканда до монгольского завоевания в свете современных историко-археологических и историко-топографических данных, значительно отличающаяся от периодизации, предложенной А. И. Тереножкиным, согласно окончательным выводам которого этот город, между прочим, «в течение продолжительного отрезка времени после арабского завоевания включал в пределах городища Афрасиаб» (т. е. на площади несколько более 1 км²) и цитадель, и шахристан, и обширный пригород-рабад.

В отличие от работ прежних специалистов (В. В. Бартольд; В. Л. Вяткин и др.), исходивших в своих построениях в основном из дошедших до нас отрывочных и к тому же далеко не всегда использованных с достаточной полнотой сведений письменных источников, в которых Самарканд после IV в. до н. э. и до V в. н. э. включительно не упоминается, почему предвзято допускалось такое замиранье его чуть ли не на тысячелетие,—предлагаемая периодизация истории города построена на учете всех видов исторических источников, в частности памятников материальной культуры. Успехи советской исторической науки в познании прошлого народов Средней Азии позволяют надеяться, что скоро в нем не останется уже ни одной значительной лакуны. Для изучения же Самарканда необходимо развернуть археологические работы многоотрядной комплексной экспедиции в широком масштабе, как это намечалось перед началом Великой Отечественной войны. Только таким образом можно глубоко и серьезно двинуть вперед понимание истории не только самого города, но и Согды в целом.

Вместе с тем выясненная нами историческая топография Самарканда наглядно показывает, что она не укладывается в прочно вошедшую в науку со времени В. В. Бартольда условную схему, по которой средневековые среднеазиатские города якобы обязательно состояли из трех частей — цитадели, шахристана и рабада. В действительности эта схема для всего феодального периода не приложима ни к одному из крупных городов Средней Азии, которые, подобно Самарканду, в своем развитии, с одной стороны, зависели от скелета ранее сложившегося города времени рабовладельческого общества, и с другой,— на протяжении средних веков проходили сложный путь индивидуального развития, иногда распространяясь на новые территории, порой совершенно перемещаясь на новое место и члениясь не на три, а на большее число различных отдельных частей. Этой теме нами посвящается особая работа.

М. Е. Массон

К ВОПРОСУ О ХЕНТИУШЕ — МЕЛКИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАХ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

«Историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»¹.

Между тем история производителей материальных благ в древнем Египте до сих пор еще изучена далеко недостаточно. Причиной этого отчасти являются недостаточ-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 416.